

<НИОР РГБ, 93.I.6.11. Письмо Достоевского Ф. М. к Достоевскому М. М.>

<В левом верхнем углу листа карандашом рукой А. Г. Достоевской сделана запись: Напеч<.> въ Біогр. – Ред.>

С. Петербургъ 1840 года Генваря 1го дня.

Благодарю тебя отъ души, добрый братъ мой, за твое милое письмо. Нѣтъ я не таковъ какъ ты; ты не повѣришь какъ сладостный трепетъ сердца ощущаю я, когда приносятъ мнѣ письмо отъ тебя; и я изобрѣлъ для себя новаго рода наслажденіе - престранное – томить себя. - Возьму твое письмо, перевертываю нѣсколько минутъ въ рукахъ, щупаю его полновѣсно ли оно, и насмотрѣвшись, налюбовавшись на запечатанный конвертъ, кладу его въ карманъ.... Ты не повѣришь что за сладострастное состояніе души, чувствъ и сердца! И такимъ образомъ жду иногда съ $\frac{1}{4}$ часа; наконецъ съ жадностію нападаю на пакетъ, рву печать, и пожираю твои строки, твои милыя строки. О чего не перечувствуетъ сердце читая ихъ! Сколько ощущеній толпятся въ душѣ, и милыхъ и непріятныхъ и сладкихъ и горькихъ; да! братъ милый, – и непріятныхъ и горькихъ; ты не повѣришь какъ горько, когда не разберутъ не поймутъ тебя, поставятъ все совершенно въ другомъ видѣ, совершенно не [въ то] такъ, какъ хотѣли сказать, но въ другомъ, безобразномъ видѣ.... Прочитавъ твое послѣднее письмо, я былъ *enragé*, потому что не былъ съ тобою вмѣстѣ: лучшія изъ мечтаній сердца, священнѣйшія изъ правилъ, данныхъ мнѣ опытомъ, тяжкимъ, многотруднымъ опытомъ, исковерканы, изуродованы, выставлены въ *прежалкомъ* видѣ. Самъ ты пишешь ко мнѣ: «пиши, возражай, споръ со мною» и находишь въ этомъ какую то пользу! Никакой, милый братъ мой, рѣшительно никакой; только то, что твой эгоизмъ (который есть у всѣхъ насъ грѣшныхъ) выведетъ *превыгодное* заключеніе о другомъ, о его мнѣніяхъ, правилахъ, характерѣ и скудоуміи.... Вѣдь это преобидно братъ! Нѣтъ! Полемика въ дружескихъ письмахъ [ядъ] – подслащенный ядъ. – Что то будетъ когда мы увидимся съ тобою[:]/?/ это будетъ, кажется, всегдашнимъ предлогомъ раздора между нами.... Но оставляю это! объ этомъ еще можно поговорить на послѣднихъ страницахъ. –

Военная Академія – *c'est du sublime!* Знаешь ли что это преблистательный проэ<к>тъ (?!), я много думаю о судьбѣ твоей, чтобы согласить ее съ нашими обстоятельствами, и самъ остановился на Военной Академіи; но ты предупредилъ меня; слѣд. и тебѣ это нравится.... но вотъ что[!]/:/ вѣдь надо прослужить по крайней мѣрѣ годъ, предъ вступленіемъ въ Военную Акад. [на]; останься при чертежной на этотъ годъ. –

Ну что ты бредишь тетрадами, когда я не знаю твоей программы; что же я пришлю тебѣ? Артиллерію, впрочемъ, курсъ кондукторскихъ классовъ (что именно, кажется, вамъ и надобно) пришлю непременно, записки Генераль-Майора Дядина, который самъ, собственною особою, будетъ экзаменовать тебя. – Но не иначе посылаю тебѣ эти тетрадки, какъ на мѣсяцъ. – Они чужія. – Я насилу досталъ ихъ. – Ни дня больше одного мѣсяца. – Спиши ихъ, или отдай списать. /(Дядинъ человекъ съ причудами; ему надо вызубрить или говорить своими словами какъ по книгѣ). -/ Полевая фортификація такая глупость, которую можно вызубрить въ 3 дня. Впрочемъ въ Маѣ пришлю и ее тебѣ. Другое дѣло

долговременная; постараюсь объ ней. – Есть у насъ и изъ Аналитики Литографиров. тетрадки; но это взято слово въ слово изъ Брашмана и разум. сокращено. И такъ у насъ проходятъ Брашмана; и ты его зубри. – Купи себѣ. –

Знаешь ли Геодезію[,]/?/ у насъ (курсъ Болотова). Физика, (курсъ Щеглова.) О Литографиров. Дифференціалахъ

// л. 5

постараюсь. Исторіи у насъ курсъ преполнѣйшій и преогромнѣйшій, (Литографированный) – достать не могу. Словесность и Литтература Русская – Плаксина, который самъ учитъ у насъ. – Скажу тебѣ что вашъ экзаменъ въ Полевые Инженеры прелегкій. Глядятъ сквозь пальцы, и у всѣхъ та логика, чтобы не притѣснять своего брата Инженера. Этому вижу я пречастые примѣры. –

- Къ Куманинымъ я отправилъ преблагопристойное письмо. – Не безпокойся. Я жду хорошихъ послѣдствій. Къ Опекуну еще не писалъ: ей Богу нѣтъ времени! –

Поздравляю тебя съ новымъ годомъ милый. - Что то принесетъ онъ намъ! Что хочешь а послѣдніе 5 лѣтъ для нашего семейства были ужасны. – Я читалъ твое прошлогоднее посланье къ Новому году. – Мысль хорошая; духъ и выраженье стиховъ подъ сильнымъ вліяньемъ Barbier; Между прочимъ у тебя были въ свѣжей памяти его слова о Наполеонѣ. –

Теперь о твоихъ стихахъ: Послушай милый братъ! Я вѣрю: въ жизни человѣка много, много печалей горя и – радостей. – Въ жизни поэта это и тернъ и розы. Лирика - всегдашній спутникъ поэта; потому что онъ существо словесное. – Твои лирическія стихотворенья были прелестны: Прогулка, Утро, Видѣнье матери, роза (кажется такъ), Фебовы кони, и много другихъ прелестны. – Какая живая повѣсть о тебѣ милый! И какъ близко она сказалась мнѣ. Я могъ тебя понимать тогда; потому что тѣ мѣсяцы были такъ памятны для меня, такъ памятны. – О сколько случилось тогда и страннаго и чудеснаго въ моей жизни! – Это предолгая повѣсть, и я ее никому не расскажу. – Шидловскій показалъ мнѣ тогда твои стихотворенья... О! Какъ ты несправедливъ къ Шидловскому. Не хочу защищать того, что развѣ не увидитъ тотъ, кто не знаетъ его, и кто не очень перемѣнчивъ въ мнѣньяхъ – знаній и правилъ его. – Но ежели бы ты видѣлъ его прошлый годъ. – Онъ жилъ цѣлый годъ въ Петербургѣ безъ дѣла и безъ службы. – Богъ знаетъ для чего онъ жилъ здѣсь; онъ совсѣмъ не былъ такъ богатъ, чтобы жить въ Петербургѣ для удовольствій. – Но это видно что именно для того онъ и пріѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы убѣжать куда нибудь. Взглянуть на него: это мученикъ! Онъ изсохъ; щеки впали; влажные глаза его были сухи и пламенны; – Духовная красота его лица возвысилась съ упадкомъ физической. – Онъ страдалъ! тяжело страдалъ! Боже мой какъ любить онъ какую то дѣвушку (Marie, кажется). – Она же вышла за кого то замужъ. – Безъ этой любви онъ не былъ бы чистымъ, возвышеннымъ, безкорыстнымъ жрецомъ поэзіи... Пробираясь къ нему на его бѣдную квартиру,

// л. 5 об.

иногда въ зимній вечеръ (н<а>п<римѣръ> ровно годъ назадъ) я невольно вспоминалъ о грустной зимѣ Онѣгина въ Петербургѣ[,] (8^а глава), только предо

мною не было холодного созданья, пламеннаго <В рукописи: пламенная – ред.> мечтателя по неволѣ, но прекрасное, возвышенное созданье, правильный очеркъ челоуѣка, который представили намъ и Шекспиръ и Шиллеръ; но онъ уже готовъ былъ тогда пасть въ мрачную манію характеровъ Байроновскихъ. – Часто мы съ нимъ просиживали цѣлые вечера, толкуя Богъ знаетъ о чемъ! О какая откровенная чистая душа! У меня льются теперь слезы какъ вспомню прошедшее! Онъ не скрывалъ отъ меня ничего, а что я былъ ему? Ему надо было сказаться кому нибудь; ахъ для чего тебя не было при насъ! Какъ онъ желалъ тебя видѣть! Назвать тебя лично другомъ - название, которымъ гордился онъ. – Я помню когда слезы лились у него при чтеніи стиховъ твоихъ; онъ зналъ ихъ наизусть! И про него ты могъ сказать что онъ смѣялся надъ тобою! О какое бѣдное, жалкое созданье былъ онъ! – Чистая Ангельская душа! И въ эту тяжкую зиму онъ не забылъ любви своей. – Она разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. – Наступила весна; она оживила его. Воображеніе его начало создавать драммы, и какія драммы брать мой. Ты бы перемѣнилъ мнѣніе о нихъ ежелибы прочелъ [имъ] передѣланную «Марію Симонову». – Онъ передѣлывалъ ее всю зиму<,> старую же форму ея самъ называлъ уродливою. – А лирическія стихотворенья его! О ежелибы ты зналъ тѣ стихотворенья, которыя написалъ онъ прошлою весною. Наприм. стихотворенье, гдѣ онъ говоритъ о [сво] славѣ. Ежелибы ты прочелъ его брать! ——— Пришедъ изъ лагеря мы мало пробыли вмѣстѣ. - /Въ/ Последнее свиданье мы гуляли въ Екатерингофѣ. О какъ провели мы этотъ вечеръ[;]!/ вспоминали нашу зимнюю жизнь, когда мы разговаривали о Гомерѣ, Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гоффманѣ, о которомъ столько мы говорили, столько читали. Мы говорили съ нимъ о насъ самихъ/,/ о прошлой жизни, о будущемъ, о тебѣ мой милый. Теперь онъ уже давно уѣхалъ, и вотъ ни слуху ни духу о немъ! Живъ ли онъ? Здоровье его тяжело страдало; о пиши къ нему!

Прошлую зиму я былъ въ какомъ то [востр] восторженномъ состояніи. Знакомство съ Шидловскимъ, [которое] подарило меня столькими часами лучшей жизни; но не то было тогда причиною этаго. Ты можетъ быть упрекалъ и упрекнешь меня, почему я не писалъ къ тебѣ. Глупыя ротныя обстоятельства тому причиною. Но сказать ли тебѣ милый; я [б]/н/икогда не былъ равнодушенъ къ тебѣ; я любилъ тебя за стихотворенья твои, за поэзію твоей жизни, за твои несчастья – и не болѣе; братской любви, дружеской любви не было.... Я имѣлъ у себя товарища, одно созданье, которое такъ любилъ я! Ты писалъ ко мнѣ брать что я не читалъ Шиллера. - Ошибаешься брать! Я вызубрилъ Шиллера, говорилъ имъ, бредилъ имъ;

// л. 6

и я думаю что ничего болѣе кстати не сдѣлала судьба въ моей жизни, какъ [ду] дала мнѣ узнать великаго поэта въ такую эпоху моей жизни; никогда бы я не могъ узнать его такъ какъ тогда. – Читая съ нимъ Шиллера, я повѣрялъ надъ нимъ и благороднаго, пламеннаго Донъ-Карлоса, и Маркиза Позу и Мортимера. Эта дружба такъ много принесла мнѣ и горя и наслажденья! Теперь я вѣчно буду молчать объ этомъ; имя же Шиллера, стало мнѣ роднымъ, какимъ то

волшебнымъ звукомъ, вызывающимъ столько мечтаній; они горьки братъ; вотъ почему я ничего не говорилъ съ тобою о Шиллерѣ, о впечатлѣннѣхъ, имъ произведенныхъ: мнѣ больно когда я услышу хоть имя Шиллера. –

Хотѣлъ было много написать тебѣ въ отвѣтъ на твои нападки на меня, на то что ты не понялъ словъ моихъ; также и потолковать кой о чемъ; но нынѣшнее письмо къ тебѣ, доставило мнѣ столько сладкихъ минутъ, мечтаній, воспоминаній, что я рѣшительно не способенъ говорить о другомъ. – Оправдаюсь только въ одномъ: я не сортировалъ великихъ поэтовъ, и тѣмъ болѣе не зная ихъ. – Я никогда не дѣлалъ подобныхъ паралеле/ле/й какъ н<апримѣръ> Пушкинъ и Шиллеръ. – Не знаю съ чего ты взялъ это; выпиши мнѣ пожалуйста, слова мои; а я отрекаюсь отъ подобной сортировки; можетъ быть говоря о чемъ нибудь, я поставилъ рядомъ Пушкина и Шиллера, но я думаю что между этими 2^{мя} словами есть запятая. Они ни мало не похожи другъ на друга. Пушкинъ и Байронъ такъ. – Что же касается до Гомера и Victor'a Hugo, то ты, кажется, нарочно не хотѣлъ понять меня. Вотъ какъ я говорю: Гомеръ, (баснословный человѣкъ[]) можетъ быть какъ Христосъ, воплощенный Богомъ и къ намъ посланный) можетъ быть паралелью только Христу а не Гёте. Вникни въ него братъ, пойми Иліаду, прочти ее хорошенько; (ты вѣдь не читалъ ее[,]/?/ признайся)<.> Вѣдь въ Иліадѣ Гомеръ далъ всему древнему міру организацію и духовной и земной жизни, [то] совершенно въ такой же силѣ какъ Христосъ новому. Теперь, поймешь ли меня?: Victor Hugo, какъ лирикъ, чисто съ Ангельскимъ характеромъ, съ христіанскимъ младенческимъ направленьемъ поэзіи, и никто не сравнится съ нимъ въ этомъ; ни Шиллеръ ([к]/с/колько не христіанск. поэтъ Шиллеръ) ни лирикъ – Шекспиръ, ни Байронъ, ни Пушкинъ. Только Гомеръ съ такою же неколеблемою увѣренностію къ призванью, съ младенческимъ вѣрованьемъ <В рукописи: вѣрованьямъ – ред.> въ Бога поэзіи, которому служитъ онъ, похожъ въ [своемъ] направленьи источника поэзіи на Victor'a Hugo, но только въ направленьи, а не въ мысли, которая дана ему природою, и которую онъ выражалъ; я и не говорю про это. Державинъ, кажется, можетъ стоять выше ихъ обоихъ въ лирикѣ. Прощай милый!

Твой другъ и братъ

Ө. Достоевск<ій>

<Слева на поляхъ сделана записъ: Вотъ тебѣ распекаціи: Говоря о формѣ, ты почти съ ума сошелъ; я давно уже подозрѣваю это маленькое безпокойство ума твоего, и не шутя. - Недавно ты что то такое говорилъ о Пушкинѣ! Я пропустилъ это, и не безъ причины: - О формѣ твоей потолкую въ слѣдующ. письмѣ <(теперь нѣтъ ни мѣста ни времени). – Но скажи пожалуйста; говоря о формѣ съ чего ты взялъ сказать: намъ не могутъ нравиться ни Расинъ ни (КОРНЕЛЬ?!?!∞), оттого что у нихъ форма дурна! Жалкій ты человѣкъ! Да еще такъ умно говорить мнѣ: Неужели ты думаешь что у нихъ нѣтъ поэзіи?. У Расина нѣтъ поэзіи? у Расина, пламеннаго, страстнаго, влюбленнаго въ сво[й]/и/ идеал[ъ]/ы/; Расина, у него нѣтъ поэзіи? [Да читалъ] И это можно спрашивать. Да читалъ ли ты *Andromaque*; а? братъ! Читалъ ли ты *Iphigénie*; неужели ты скажешь что это не прелестно. Развѣ <А>хиллъ Расина не Гомеровскій? /<Ра>синъ и обокралъ Гомера, но какъ обокралъ!/ Каковы у него женщины! Пойми его. Расинъ не былъ Геній; могъ <ли> <о>нъ [писат] создать

драмму! Онъ только долженъ былъ подражать Корнелю. А *Phèdre*? Братъ! <Т>ы Богъ знаетъ что будешь, ежели не скажешь что это не высшая, чистая природа и поэзія. Въдъ это Шекспировскій очеркъ, хотя статую изъ гипса, а не изъ мрамора. – - *Ред.*> <Далее следует авторский знак: + - *ред.*> <Справа на полях л. 6 под таким же авторским знаком сделана запись: Теперь о Корнелъ? Послушай братъ. – Я не знаю какъ говорить съ тобою; кажется à la Иванъ Никифорочъ: «гороху наѣвшись». Нѣтъ не повѣрю братъ! Ты не читалъ его, и оттого такъ промахнулся. Да знаешь ли что онъ по Гигантскимъ характерамъ, духу романтизма, – почти Шекспиръ. – Бѣдный! У тебя на все одинъ отпоръ: «Классическая форма»<.> Бѣднякъ да знаешь ли что Корнелъ появился только 50 лѣтъ послѣ жалкаго, безталаннаго горемыки Jodel'я, съ его пасквильною *Клеопатр*<ою> послѣ Тредьяковскаго Ronsard'a и послѣ холоднаго Рифмача Malherb'a, почти его современника. Гдѣ же ему было выдумать форму плана? Хорошо что онъ ее взялъ хоть у Сенеки. – Да чи<талъ> ли ты его «*Cinna*». Предъ этимъ божественнымъ очеркомъ Октавія, предъ которымъ<ь> <Правый нижний угол листа срезан. – *Ред.*>

<Слева на полях л. 5 об. сделана запись: = Карлъ Моръ, Фіеско, Тель, Донъ-Карлосъ. – Шекспиру <В рукописи: Шекспиръ - *ред.*> честь принесло бы это. – Бѣднякъ. Ежели ты не читалъ этого, то прочти, особенно разговоръ Августа съ *Cinna*, гдѣ онъ прощаетъ ему измѣну, (но какъ прощаетъ (?)). Увидишь что такъ только говорятъ оскорбленные Ангелы. – Особенно тамъ, гдѣ Августъ говоритъ: «*Soyons amis Cinna*»<.> Да читалъ ли ты «*Norace*»<.> Развѣ у Гомера найдешь такіе характеры. Стары<й> *Norace* – это Діомедъ. – Молодой *Norace* Аяксъ Теламонидъ, но съ духомъ Ахилла, а *Куріасъ* – это Патроклъ, это Ахиллъ, это все что только можетъ выразить грусть любви и долга. Какъ это велико все. [...] /-/ Читалъ ли ты: «*Le Cid*». – Прочти жалкій человѣкъ, прочти и пади въ прахъ предъ Корнеллемъ. Ты оскорбилъ его! Прочти, прочти его; Чего же требуетъ романтизмъ, ежели высшія идеи его не развиты въ *Cid*'ѣ. – Каковъ характеръ *Don Rodrigu'a*, молодого сына его, и его любовницы! [К]/А/ каковъ конецъ!

Впрочемъ не сердись, милый, за обидныя выраженія, не будь Иваномъ Ивановичемъ Перерепенко. – - *Ред.*>

<Справа на полях л. 5 сделана запись: Нынѣшнее письмо заставило меня пролить нѣсколько слезъ /отъ/ воспоминаній [и] /о/ прошломъ. <Далее следует авторский знак: /// - *ред.*> Сюжетъ твоей драммы прелестенъ, видна вѣрная мысль, и особенно то нравится мнѣ, что твой Герой, какъ Фаустъ, ища безпредѣльнаго, необъятнаго, дѣлается сумасшедшимъ именно тогда когда онъ нашелъ это безпредѣльное и необъятное – когда онъ любимъ. – Это прекрасно! Я радъ что тебя чему нибудь научилъ Шекспиръ. –

Сердишься зачѣмъ не отвѣчаю на всѣ вопросы. Радъ бы да нельзя! ни бумаги ни времени нѣтъ. – Впрочемъ, ежели на все отвѣчать, [одинаково] на прим. и на такіе вопросы: «Есть ли у тебя усы?» то въдъ никогда не найдешь мѣста, написать что нибудь лучшаго. Прощай мой милый, добрый <братъ> <Правый нижний угол листа срезан. – *Ред.*>. Прощай еще! Пиши. – - *Ред.*>

// л. 6 об.